

УДК 341.222(57)

А.А. Киреев

Специфика дальневосточной границы России: теория и история

Specificity of Far East border of Russia: the theory and history

---

В статье рассматриваются особенности функционирования сухопутного участка дальневосточной границы России, оказавшие значительное влияние на историческое развитие прилегающего к нему региона. Содержание данных особенностей раскрывается автором с помощью понятия "широкая граница".

Ключевые слова: *государственная граница, российский Дальний Восток, теория границы, трансграничные отношения.*

In article features of functioning of an overland site of Far East border of Russia, made considerable impact on his-torical development of region adjoining to it, are considered. The contents of the given features are revealed by means of concept "wide border".

Key words: *border, the Russian Far East, the border theory, transboundary relations.*

Одним из характерных признаков "молодых" в историческом масштабе региональных образований, инфраструктура которых находится еще на стадии формирования, является особенно тесная, минимально опосредованная связь между средовыми (внешними) и внутренними параметрами состояния и развития региона. К числу подобных образований в полной мере может быть отнесен российский Дальний Восток (РДВ), современные политико-географические контуры которого сложились только во второй половине XIX в. Наглядным проявлением указанного состояния системы дальневосточного региона служит комплекс актуальных для него сегодня демографических, социально-экономических и управленческих проблем, в котором как аналитически, так и практически, крайне трудно четко разграничить международный, общероссийский и собственно региональный компоненты. Прямая и едва ли не синхронная взаимообусловленность вопросов, например, динамики иностранной миграции в дальневосточный регион и изменения его собственного демографического потенциала, делает их независимое, строго монографическое рассмотрение слишком абстрактным и, в конечном счете, бесплодным.

Выходом из этой ситуации, как представляется, может стать предварающий любого рода объяснения внутренних и внешних условий развития РДВ специальный анализ характера соединяющих их свя-

зей. Признание же важности подобного анализа закономерно обращает наше внимание на такое опосредующее все отношения дальневосточного региона России с его внешним окружением явление как региональная граница и, прежде всего, ее наиболее значимый сухопутный участок.

Тезис о значимости пространственных границ, а точнее их физико- и общественно-географического положения и конфигурации, для функционирования всякой региональной (социально-территориальной) системы в настоящее время уже не нуждается в особых доказательствах. Не менее общепризнанной составляющей исследования территориальных границ является выявление их политико-правового статуса. Так, огромная роль в истории РДВ справедливо придается тому факту, что значительная часть его внешнего сухопутного периметра совпадает с линией государственной границы России. Однако раскрыть весь содержательный объем этого известного факта, оставаясь в рамках географического, геополитического и политико-правового анализа региональных рубежей, по моему убеждению, невозможно. Данная задача может быть решена лишь при учете, по крайней мере, еще одного, часто игнорируемого, параметра дальневосточной границы – а именно ее неформального, общественного статуса, или, иными словами, режима ее функционирования на уровне негосударственных трансграничных отношений. Только установление специфики этого общественного статуса и его соотношения (и соответствия) с политико-правовым состоянием и пространственным расположением границы позволит получить ее интегральную и, следовательно, более адекватную типологическую характеристику.

Исходным пунктом настоящего исследования явилась гипотеза, согласно которой одним из главных факторов, определявших во второй половине XIX – начале XXI вв. содержание и характер связей РДВ с сопредельными странами Северо-Восточной Азии и тесно коррелирующего с этими связями комплекса "внутренних" проблем региона стали типологические особенности дальневосточного участка сухопутной границы России. При этом, данные типологические особенности наиболее полно могут быть выражены с помощью понятия "широкая граница". Понятие "широкая граница" позволяет дифференцировать интересующее нас явление от более известной (и нередко понимаемой в качестве единственно возможной) формы разграничения государств, которую можно обозначить как "линейная граница".

Рассмотрение предлагаемой автором типологии будет целесообразно начать с раскрытия типологических признаков "линейной границы", самым характерным примером которой служат рубежи европейских государств, оформившиеся в эпоху Нового времени в правовых условиях Вестфальской системы международных отношений. К важнейшим признакам "линейной границы", на мой взгляд, необходимо отнести следующие: четкая территориальная делимитация и демаркация сфер действия государственных суверенитетов; полный и тщательно регламентированный государственный контроль над линией границы; доминирование внутренних отношений в смежных обществах над их трансграничными связями; восприятие пограничных рубежей как постоянных.

Названные признаки границ "линейного" типа могут быть конкретизированы. Так, четкая территориальная делимитация и демаркация государственных суверенитетов предполагает достаточную идеологическую и юридическую разработанность и обоснованность самого понятия государственного (национального) суверенитета, а также наличие легитимных процедур делимитации и демаркации и необходимой для их реализации географической информации. Полный и тщательно регламентированный государственный контроль над линией границы подразумевает существование целого комплекса норм, упорядочивающих

режим военно-политического, торгового, миграционного и иного функционирования и охраны границы, и, что не менее важно, присутствие у государств-соседей человеческих, финансовых и организационных ресурсов для обеспечения действенности этих норм на всем протяжении данной границы. Доминирование внутренних отношений смежных обществ над их трансграничными связями, как правило, является прямым выражением высокого уровня национальной (или региональной) самодостаточности контактирующих общественных систем, включая значительную степень развития внутреннего рынка, единого правового, социально-политического и культурного пространства. Наконец, восприятие пограничных рубежей как постоянных связано не только с формальной гарантированностью сложившихся государственных границ всей системой международно-правовых отношений (принцип "нерушимости"), но и с их укорененностью в сознании самого приграничного населения, в его традициях и повседневном поведении.

Граница "широкого" типа отличается от "линейной" по всем рассмотренным выше параметрам. Признаками "широкой границы" являются: территориальная градуированность и взаимоналожение государственных суверенитетов; неполнота и слабая регламентированность государственного контроля над линией границы; доминирование трансграничных связей смежных обществ над внутренними отношениями в них; восприятие пограничных рубежей как временных, промежуточных. Под территориальной градуированностью государственного суверенитета в данном случае понимается неодинаковый объем осуществления последнего на различных входящих в состав государства территориях, его, как правило, "убывание" по мере движения от государственного центра к пограничной периферии. Этому феномену может сопутствовать взаимоналожение (взаимопроникновение) территориальных суверенитетов соседних государств и появление между ними разного рода буферных политических образований, находящихся в двойной зависимости. Неполнота и слабая регламентированность государственного контроля над "широкой границей" может проявляться как в недостаточной юридической и институциональной обеспеченности пограничного режима, так и в отсутствии у органов власти практических возможностей по его систематическому поддержанию. Характерное для "широкой границы" доминирование трансграничных общественных отношений над внутренними обусловлено обычно неразвитостью последних, и в особенности экономических центрo-периферийных связей, которая побуждает приграничное население компенсировать свою "обделенность" активизацией соответствующего взаимодействия с соседями, вплоть до формирования с ними новых, "симбиотических", общностей. Кроме того, для населения пограничных районов, также как и для властей соседствующих государств, как правило, свойственно восприятие "широкой границы" как временно-го и условного военно-политического и колониационного рубежа, определяемого в основном конкретной динамикой "соседских" отношений и мало зависящего от каких-либо абстрактных международно-правовых систем.

Несмотря на то, что сегодня "линейная граница" по существу приобрела значение своего рода мирового стандарта, переход к границам этого типа в глобальном масштабе, тесно сопряженный с процессами модернизации и вестернизации, очень далек до своего завершения. Во многих регионах мира разделяющие государства рубежи все еще фактически в большей степени соответствуют признакам связанной по своему происхождению с традиционным докапиталистическим обществом границы "широкого" типа. Как намерен показать автор данной статьи, к этому типу остается по сей день близок и дальневосточный участок сухо-

путной границы РФ.

Начало формированию дальневосточных границ России было положено еще в середине XVII в. выходом русских первопроходцев к побережью Тихого океана и берегам Амура. Дальнейшее продвижение русских на юг и юго-восток натолкнулось на ожесточенное военно-политическое противодействие Цинской империи. Хотя граница империи проходила более чем на 1000 км. южнее Амура¹, цинское правительство рассматривало Приамурье как сферу своего исключительного влияния [12, с. 141-142].

Ряд вооруженных конфликтов между китайскими войсками и отрядами казаков завершился в 1689 г. подписанием сторонами Нерчинского договора, который разделил владения России и Китая по р. Аргуни и проходившему к северу от Амура горному хребту, оставляя земли к востоку от р. Зеи неразграниченными. Впоследствии условия этого разграничения были в целом подтверждены Буринским договором 1727 г. [12, с. 180-182, 209-210].

Разграничение между Россией и Китаем, проведенное Нерчинским и Буринским договорами, и сохранявшее свою силу до середины XIX в., отличалось не только территориальной незавершенностью. Помимо сохранения в Приамурье обширного буферного пространства, принадлежность которого оставалась спорной, договоры 1689 и 1727 гг. не разрешили многих вопросов функционирования формально делимитированного участка границы. Этот участок долгое время не имел четкой демаркации на местности, что неоднократно приводило к взаимным противоречиям в толковании сторонами пределов реализации своих суверенных прав. Расплывчатость, неполная правовая оформленность российского и китайского суверенитетов в районе Аргуни и верхнего Амура, вместе со слабостью охраны проходивших здесь рубежей и неурегулированностью пограничного режима способствовали случаям перехода через российско-китайскую границу целых родов и племен местных жителей, менявших по тем или иным соображениям свое подданство. Кроме того, для правительств как Российской, так и Цинской империй было свойственно восприятие границы в качестве компромиссной и неокончательной, к вопросу о которой следовало бы вернуться при более благоприятных обстоятельствах. Вместе с тем, несмотря на время от времени возрастающую военно-политическую напряженность, данный участок границы постоянно оставался зоной активных контактов приграничного населения двух стран, которое, независимо от состояния межгосударственных отношений, было в высокой степени заинтересовано во взаимной торговле [12, с. 181-185, 208-214].

Общей предпосылкой описанного состояния российско-китайской границы в XVIII – первой половине XIX вв. была глубокая периферийность приграничных территорий в общественных системах Китая и особенно России, объективная оторванность этих районов от демографических, социально-экономических и социокультурных ядер обеих империй. Связь между центром и приграничьем, также как и существование самой границы в этих условиях поддерживались почти исключительно "сверху", т.е. на уровне военно-политических отношений.

В 60-х гг. XIX в. в истории дальневосточной границы России начинается следующий, второй, этап, продолжавшийся до 30-х гг. XX в. В результате подписания Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров территориальное размежевание между Россией и Китаем завершается, и российско-китайская граница на Дальнем Востоке при-

¹ Примечательно, что точная фиксация и укрепление северной границы Цинской империи были осуществлены лишь в 70-х гг. XVII в., во многом как раз в ответ на появление в Приамурье русских [12, с. 114].

обретает в целом современные очертания. Необходимо отметить, что произведенное разграничение явилось не столько результатом предшествующего освоения сторонами земель юга Дальнего Востока, сколько следствием ситуативного обострения международных противоречий, появления непосредственной угрозы проникновения в регион таких колониальных держав как Англия и Франция. Разумеется, что подписанные при подобных обстоятельствах договоры не могли в короткие сроки качественно изменить характер пограничного взаимодействия двух стран.

В течение двух лет по заключении Пекинского договора российско-китайская граница на всем своем дальневосточном участке (от верхнего Амура до р. Туманган) получила довольно точно определенную демаркацию. Однако это не означало, что столь же точное и полное определение и разграничение получили суверенные права сопредельных империй. Причины такого положения вещей были различны и заключались как в добровольном "размывании" сторонами своего суверенитета, так и в юридическом несовершенстве достигнутых соглашений, а в некоторых случаях и в их произвольном и предвзятом толковании.

Пожалуй, наиболее заметным отступлением от принципов "линейной границы" был один из пунктов Пекинского договора, разрешавший свободную и беспошлинную меновую торговлю подданных России и Китая на протяжении всей пограничной линии. Основываясь на этом положении договора 1860 г., в 1862 г. представители двух государств подписали "Правила для сухопутной торговли", которые устанавливали беспошлинный порядок приграничной торговли на расстоянии 50-ти верст по обе стороны российско-китайской границы. Данные "Правила..." действовали затем в течение полувека, вплоть до своей отмены в 1913 г. [12, с. 254-255, 296]. Таким образом, российско-китайская граница длительное время в значительной мере не выполняла функции обеспечения экономической целостности и безопасности государств-соседей.

Другой особенностью российского суверенитета в приграничных районах Дальнего Востока был статус проживавших здесь китайских подданных. Айгунский и Пекинский договоры гарантировали оказавшимся после разграничения на территории России подданным Цинской империи неприкосновенность проживания и хозяйственной деятельности, не устанавливая каких-либо ограничений их дальнейшему переселению в регион. В результате численность оседлого и длительно пребывающего на РДВ китайско-подданного населения постоянно возрастала: если на 1858 г. оно составляло около 3,9 тыс. чел., то в 1869 г. насчитывало уже 12,8 тыс., в 1897 г. – 43 тыс., а в 1916 г. – 78 тыс. чел. [15, с. 85, 134]. Свободно приобретая в дальневосточном регионе землю¹ и недвижимость, китайские иммигранты, вместе с тем, обладали правами "экстерриториальности" и до 1883 г. были неподсудны российским судам. Обособленность существования китайской диаспоры еще более усиливалось ее высокой организованностью в виде самоуправляемых обществ, которые всесторонне регулировали жизнь своих членов вплоть до осуществления функций уголовного правосудия. Многие годы игнорируемые российскими властями, эти общества поддерживали негласные связи с государственными органами Цинской империи, а позднее Китайской Республики [20, с. 67-68].

Примером локального и, вместе с тем, наиболее полного ограничения российского суверенитета в приграничной полосе Дальнего Востока можно считать сохранение до конца XIX в. района компактного проживания китайско-подданных маньчжур в Амурской области. Населению этого маньчжурского анклава на левом берегу Амура близ впадения в

¹ До 1881 г. китайские и корейские иммигранты наравне с российскими подданными имели право на получение от казны 100-дес. надела [25, с. 97].

него Зеи, возникшего задолго до российско-китайского разграничения, согласно Айгуньскому договору 1858 г. было предоставлено право вечного проживания в данной местности с нахождением под юрисдикцией правительства Цинской империи. Впоследствии этот анклав разросся до 64 маньчжурских деревень, где оседло обитало несколько тысяч человек [10, с. 223; 23, с. 312].

Весьма слабым оставался в период с 1860-х по 1930-е гг. государственный контроль и над самой линией российско-китайской границы. Для налаживания регулярной охраны и функционирования протяженных рубежей обоим государствам остро не хватало финансовых средств и подготовленных кадров. В этих условиях российское правительство пошло по уже не раз проверенному в ходе создания в азиатской части страны укрепленных пограничных линий пути возложения охранных обязанностей на местное казачье население.

Охрана границы силами расселенных вдоль нее Амурского и Уссурийского казачьих войск действительно давала значительную экономии казенных средств и обеспечивала относительную защищенность приграничья от вторжений хунхузских банд. Однако добиться с помощью иррегулярных войск правильной организации пограничного режима было невозможно. Несшие пограничную службу казаки не имели ни профессиональной подготовки, ни мотивации, ни, порой, физической возможности для эффективного решения одновременно возлагавшихся на них задач таможенного, миграционного, паспортно-визового, карантинного и иного контроля. В итоге, в целом ряде аспектов, несмотря на принимавшиеся центральной и региональной администрациями меры, дальневосточная граница в продолжение всего дореволюционного периода оставалась прозрачной [5, с. 23-26; 17, с. 17-20].

С названными выше обстоятельствами была связана та интенсивность, с которой в период с 60-х гг. XIX по 30-е гг. XX вв. развивались российско-китайские трансграничные отношения. Как свидетельствуют исторические источники, уже в 60-е гг. XIX в. население по обе стороны границы было вовлечено в миграционный обмен и экономическое взаимодействие. Находившиеся в это время в тяжелом материальном положении уссурийские казаки нередко нанимались в батраки к своим китайским соседям. В 70-е гг. с повышением уровня жизни казачества эта практика стала уходить в прошлое, однако казаки по-прежнему в высокой степени зависели от китайского берега Уссури как источника товаров повседневного спроса [17, с. 17-18]. Посещение приграничных районов Китая с целями совершения купли-продажи, отдыха или развлечения оставалось обычным явлением казачьего быта вплоть до 20-х гг. XX в. [8, с. 72-73; 28, с. 276]. Определенное место в жизни казачества сохраняли и отношения с китайскими работодателями, которые приняли форму оказания услуг по охране и перевозке через границу коммерческих грузов [9, с. 81].

Еще более массовой, чем российская, в рассматриваемый период была китайская трансграничная миграция. Жители Поднебесной прибывали на РДВ поначалу как промысловики и торговцы, а позднее, с 90-х гг. XIX в., в качестве промышленных рабочих, а также сельхозработников и арендаторов. Последние оседали в основном в приграничной полосе, на душевых наделах, станичных и войсковых землях УКВ и АКВ. Только на территории УКВ, по неполным данным, в 1910 г. в "желтой", т.е. китайской и корейской, аренде находилось 7564 дес. земли [27, с. 79]. Общая же численность китайских, оседлых и временных, иммигрантов в дальневосточном регионе в 1910 г. достигла по некоторым оценкам 150 тыс. чел. [20, с. 66].

Экономическому взаимодействию жителей приграничья сопут-

ствовавали и устойчивые социокультурные контакты. Между казачьим и китайским населением существовали многолетние дружеские и даже брачные связи, многие казаки владели китайским языком. Исследователи отмечают наличие ряда китайских заимствований не только в материальной, но и в духовной культуре казачества [9, с. 81-82; 19, с. 75].

Значительная интенсивность трансграничных отношений между казачеством и китайским населением Маньчжурии была особенно заметна на фоне слабого развития социально-экономических связей между казаками и дальневосточным крестьянством. Развитию этих связей препятствовали как медленные темпы формирования на РДВ внутреннего рынка, так и сохранявшие свое значение до 1917 г. сословные барьеры. Сословные различия в образе жизни и хозяйственной деятельности казаков и крестьян региона усугублялись напряженностью в отношениях войсковых и общегражданской администраций, во многом спровоцированной проблемой т.н. "отвода Духовского". Подобное положение в начале XX в. побуждало многих публицистов обвинять дальневосточное казачество в том, что оно играет роль "проводника желтого влияния" в крае, одновременно препятствуя его плотному заселению и освоению российскими подданными [22, с. 102-103; 24, с. 77-78, 80-81].

Специфика функционирования российско-китайской границы в 1860-е – 1930-е гг. не может быть понята без учета некоторых особенностей сознания государственной администрации и, по крайней мере, части населения региона. До завершения русско-японской войны в различных стратах российского общества было распространено устойчивое мнение о неокончателности границ России в Азии. Это мнение зиждилось на представлении о кризисном состоянии китайской государственности и политико-экономической целесообразности закрепления России в Маньчжурии и на берегах незамерзающего Желтого моря. Прямым следствием такой установки являлось заметное пренебрежение интересами внутреннего развития РДВ и укрепления его рубежей. Поражения 1905 г. безусловно нанесли по этим экспансионистским ожиданиям сильный удар, но отнюдь не привели к полному отказу от них.

Все сказанное относительно состояния в рассматриваемый период российско-китайской границы с некоторыми оговорками можно отнести и к границе России с Кореей. Юридически установленная договором 1884 г., она отличалась такой же недостаточностью государственного контроля и проницаемостью и также способствовала появлению на российской территории многочисленной (до 100 тыс. чел. в 1917 г.) корейской диаспоры [26, с. 249], которая не имея в большей своей части российского подданства, тем не менее широко вовлекалась в экономические отношения с населением края [16, с. 80-83]. Среди особенностей же российско-корейской границы можно указать изначально более четкое территориальное разграничение суверенных прав сторон (не предполагавшее в частности создания каких-либо зон свободной торговли), и в основном однонаправленный характер трансграничных контактов, связанный с изоляционистской политикой Кореи, а позднее с оккупацией ее территории Японией.

Следует отметить, что за 70 лет, прошедших после заключения Пекинского договора, в состоянии дальневосточных границ России произошли определенные изменения. С 80-х гг. XIX в. российские власти все чаще начинают обращать внимание на то, что сложившаяся модель функционирования границы имеет свои негативные стороны. Практическим следствием этого стала целая серия законодательных и административных решений, направленных на ужесточение пограничного режима и укрепление российского суверенитета в Приамурье. В их числе можно упомянуть перевод китайских иммигрантов в юрисдикцию

российских судов (1883 г.), лишение иностранцев права селиться в приграничных местностях (1886 г.) и приобретать земли в Амурской и Приморской областях (1892 г.), запрещение нанимать иммигрантов на проводимые в крае казенные работы (1910 г.) [20, с. 67-68]. Параллельно с этим принимались меры по налаживанию иммиграционного учета, принятию оседлых иммигрантов в русское подданство, усилению контроля над китайскими и корейскими обществами [23, с. 162-168, 172-178; 25, с. 89, 103-104]. В 1900 г. ликвидируется маньчжурский анклав в Амурской области [10, с. 223-224]. В 1913 г. был отменен режим свободной и беспошлинной российско-китайской торговли в 50-верстной приграничной полосе [12, с. 296].

Однако и отзывы современников, и цифры официальной иммиграционной статистики говорят о том, что эффективность данной политики была незначительной. Жесткие запретительные и даже репрессивные меры государства по защите РДВ от иностранного проникновения не могли достичь своей цели в условиях слабости общественной структуры региона. Недостаточность внутреннего заселения и освоения Приамурья создавала вакуум, который неизбежно заполнялся постоянным притоком рабочих рук и товаров из-за рубежа, и в первую очередь из достигшей к концу XIX в. более высокого уровня демографического и экономического развития Маньчжурии. Достаточно сказать, что даже накануне Первой мировой войны рынок рабочей силы Приамурского края на 80% зависел от внешних трудовых ресурсов [23, с. 162].

Революционные события 1917 г. и установление на РДВ советской власти сами по себе не улучшили сложившегося положения. Более того, в период дезорганизации государственного управления, а затем строительства новой политической системы, дальневосточная граница становится еще более прозрачной, чем раньше. Возможно, что определенную роль в этом сыграло и характерное для большевистского руководства СССР в 20-е гг. стремление использовать дальневосточный регион в качестве плацдарма для экспорта революции в страны Восточной Азии. Как бы то ни было, пограничный режим на советско-китайской и советско-корейской границах оставался достаточно свободным, а иностранное присутствие в регионе весьма значительным: по переписи 1926 г. в Дальневосточном крае насчитывалось около 70 тыс. китайцев [6, с. 95] и 168 тыс. корейцев [18, с. 15].

Вооруженный конфликт на КВЖД в 1929 г. и японская оккупация Маньчжурии в 1931-32 гг. решительно изменили пограничную политику СССР на Дальнем Востоке. В 30-е гг. дальневосточная граница вступает в третий этап своей истории, продолжавшийся до конца 80-х гг. XX в. Его основным содержанием, на мой взгляд, стала попытка форсированного перехода от "широкого" к "линейному" типу границы. Судя по всему, начало этому процессу положило переосмысление советским руководством внешнеполитического значения дальневосточных рубежей страны. Отказ от миссии центра мировой революции в пользу концепции "осажденной крепости" отводил границе роль передовой оборонительной линии, нерушимой и непроницаемой преграды для любых враждебных проникновений. Задача обеспечения неприкосновенности собственных границ на Дальнем Востоке отныне приобрела для СССР большой политический вес, чем интересы внешней экспансии. Свидетельством этого стала продажа Маньчжоу-Го в 1935 г. КВЖД [13, с. 125], являвшейся с конца XIX в. главным символом и оплотом российского присутствия в Восточной Азии.

Иным, значительно более категоричным в 30-е гг. становится и понимание требований обеспечения государственного суверенитета. Проживающие в приграничье китайские и корейские иммигранты, в т.ч.

получившие советское гражданство, уже в силу своего происхождения начинают рассматриваться как потенциальные пособники японцев, как прямая угроза безопасности и целостности советского государства. Неустрашимость этно-расовой принадлежности иммигрантов правовыми средствами заставляет государство искать более действенные методы решения проблемы. В итоге в 1937 г. подавляющая часть китайского населения региона была выдворена в Китай, а корейского – депортирована в Казахстан и Среднюю Азию.

К концу 30-х гг. за счет дислокации на Дальнем Востоке крупных военных контингентов (до 570 тыс. чел. к 1939 г.), строительства укрепленных районов и усиления пограничной охраны дальневосточные границы СССР были поставлены под полный государственный контроль [1, с. 36; 2, с. 113-115]. При этом закрытие и милитаризация границы привели к тому, что она в значительной степени утратила свои социально-экономические функции. Таким образом, блок проблем общественного функционирования границы был просто "снят" с повестки дня.

Установление нового пограничного режима (по обе стороны и советско-китайской, и советско-корейской границы) разорвало плотную сеть трансграничных связей, сложившихся в предшествующие десятилетия. Кроме того, советское государство предприняло ряд мер по устранению социальных предпосылок для возобновления таких связей в дальнейшем. В 1933 г. 100-километровая полоса вдоль границы с Маньчжурией получила статус режимной зоны с ограничением права проживания в ней определенных категорий населения. В связи с этим в 1933 – 1934 и 1939 гг. из приграничной полосы Дальнего Востока в другие регионы страны были в массовом порядке депортированы социально и политически неблагонадежные лица, а также те, кто был замечен в каких-либо контактах с зарубежьем. Депортации, сократившие численность некоторых приграничных районов в 2 – 3 раза, нанесли особенно сильный урон амурскому и уссурийскому казачеству [1, с. 36; 29, с. 58-63]. Место выселенных заняли переселенцы из европейской части СССР.

Таким образом, в сравнительно короткий срок дальневосточные рубежи СССР по своим основным параметрам были превращены в границу "линейного" типа, в ее наиболее жесткой, милитаризированной форме. Несмотря на некоторые колебания, советское руководство оставалось верной этой пограничной политике и в последующем. Так, вновь получив в свое распоряжение после окончания Второй мировой войны КЧЖД и базу в Порт-Артуре, оно еще до середины 50-х гг. предпочло отказать от этих внешних опорных пунктов в пользу КНР [14, с. 89-91]. Ухудшение отношений с Китаем в 60-е гг., сопровождавшееся многочисленными пограничными провокациями, как казалось, подтвердило правильность внутренне-ориентированной, оборонительной стратегии СССР на Дальнем Востоке.

Если меры по военно-административному укреплению дальневосточной границы в период с 30-х по 80-е гг. XX в. можно оценить как достаточно успешные, то результаты изменения ее общественного статуса в это время оказались значительно более скромными. Развернутая с конца 20-х гг. политика интенсификации социально-экономического развития советского Дальнего Востока, включавшая в себя обеспечиваемое централизованным финансированием создание в регионе крупного индустриального и сельскохозяйственного производства и организацию массового переселения из европейских районов страны, вплоть до 60-х гг. проводилась в основном в соответствии с принятыми целевыми показателями. Однако позднее темпы ее реализации стали неуклонно снижаться [11, с. 23]. В итоге к концу советского периода в примыкавшей к границе южной части Дальнего Востока так и не удалось достичь не

только демографического, но и экономического баланса с сопредельными провинциями КНР. Безусловно, что огромную роль в этом сыграла объективная ограниченность всех типов ресурсов, которые советское государство могло направить на развитие своих восточных окраин. Однако среди причин такого итога нельзя не назвать и чрезмерную милитаризованность и закрытость дальневосточного региона, которые нанесли наиболее серьезный урон хозяйственному развитию именно приграничной полосы. Так или иначе, но, как показали дальнейшие процессы, низкая плотность демографического и экономического освоения приграничья явилась самым уязвимым местом "линейной границы", которая была создана на Дальнем Востоке в советский период.

Во второй половине 80-х гг. в исторической эволюции дальневосточных рубежей России наступает четвертый, современный, этап. Провозглашение в 1986 г. Горбачевым курса на ускорение развития дальневосточного региона в контексте его интеграции в экономические структуры АТР вылилось в принятие ряда весьма значимых по своим последствиям политических решений. В их числе, прежде всего, следует упомянуть советско-китайское соглашение 1988 г. о безвизовом пересечении границы, уменьшение численности сосредоточенных в регионе советских войск и начатый соглашением 1991 г. процесс урегулирования территориальных противоречий между КНР и СССР/РФ [2, с. 154-157; 3, с. 8].

Эти и некоторые другие шаги привели к резкому оживлению российско-китайской приграничной торговли и миграционного обмена: к 1993 г. торговый оборот (в сравнении с 1986 г.) увеличился более чем в 100 раз, а численность лиц, ежегодно пересекающих границу, достигла 1,5 млн. [3, с. 9]. Кроме того, Китай, наряду с другими государствами СВА (КНДР, Южная Корея, Япония) выразил заинтересованность в осуществлении крупных международных экономических проектов на приграничных территориях РДВ [4, с. 103, 106]. Однако очень скоро обнаружилось, что поспешное открытие РДВ внешнему миру создает для развития региона не только стимулы, но и серьезные риски. Степень либерализации условий трансграничного сотрудничества по существу превысила объективную способность региональной экономики участвовать в нем, в результате чего это сотрудничество грозило утратить свой взаимовыгодный характер. Модернизация пограничного режима в соответствии со стандартами развитых стран мира игнорировала фактически "развивающееся" состояние сопредельных территорий Китая и России, а также их значительное неравенство по широкому спектру социальных и экономических параметров.

Хотя к середине 90-х гг. XX в. Россия заняла более осторожную позицию в отношении международных проектов, которые (подобно "Тумангану") могли нанести тот или иной урон ее суверенитету и экономической целостности [4, с.144-147], российская пограничная политика на Дальнем Востоке по-прежнему остается для региона источником проблем. Несмотря на появление в 1990-е – начале 2000-х гг. определенной международной и национальной нормативно-правовой базы по вопросам пограничного взаимодействия, контроль российской стороны над функционированием границы с Китаем нельзя считать достаточным. Помимо большого числа преступлений, связанных с незаконным пересечением границы, контрабандой и уклонением от налогообложения, об этом свидетельствует отсутствие надежной и всеобъемлющей системы учета и регистрации иностранных мигрантов [21, с. 312-313, 316-320, 386-387], существование которой является непременным условием любого рода управления их активностью. На сегодня же значительная часть внутрироссийской и трансграничной экономической деятельности китайской диаспоры на РДВ находится вне поля зрения властей, что в

частности благоприятствует появлению различных теневых форм самоорганизации и самоуправления иммигрантов. Судя по всему, ведущее место среди причин слабости государственного контроля над ситуацией на границе и приграничных территориях в настоящее время принадлежит уже не столько его правовой необеспеченности, сколько недостатку институциональных механизмов, кадров и финансовых ресурсов.

Высокая степень экономической прозрачности российско-китайской границы способствовала тому, что одним из главных направлений интенсивно развивавшихся трансграничных связей стала формально неорганизованная "народная" торговля. В 90-е гг. в "челночную" торговлю (в основном с Китаем) было напрямую вовлечено около 30 тыс. жителей РДВ [21, с. 360], не считая значительного числа лиц, обслуживавших деятельность торговцев [10, с. 243-250]. Активность "челноков" явилась важнейшим фактором быстрого роста российско-китайской торговли, которая удовлетворяла большую часть потребительского спроса населения Дальнего Востока, необеспеченного отечественными товарами. Особую значимость трансграничная торговля получила в структуре занятости и потребления жителей приграничных районов региона. Здесь сформировались социальные группы предпринимателей и наемных работников, чьи экономические интересы и перспективы повышения материального благосостояния связаны с развитием скорее китайского, нежели российского производства и рынка. Складывание устойчивых трансграничных отношений и общностей служит одним из проявлений постепенного втягивания лишенного с начала 90-х гг. правительственной опеки РДВ в экономическое пространство КНР.

Несмотря на заверченный к 2004 г. процесс демаркации российско-китайской границы и заключенный между РФ и КНР в 2001 г. "Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве", в начале XXI в. стабильность разделяющих две страны рубежей все еще воспринимается как проблематичная. Декларирование "отсутствия взаимных территориальных претензий" на межгосударственном уровне [21, с. 83] отнюдь не является доказательством того, что этот вопрос потерял свою актуальность на уровне общественного сознания. Во всяком случае, в китайских СМИ продолжают появляться заявления о том, что проблема возвращения отторгнутых Россией у Китая территорий еще не решена [7, с. 48-49; 10, с. 154-155]. С другой стороны, неверие в то, что российско-китайская граница превратится в "границу вечного мира и дружбы", присуще значительной части населения РДВ. По данным опросов, проведенных летом 2003 г. в Приморье, Хабаровском крае, Амурской и Еврейской автономной областях, около половины опрошенных назвали китайскую политику источником угрозы интересам России и присоединились к мнению о наличии на РДВ китайской экспансии [21, с. 280-283]. Независимо от того, насколько обоснованы такие опасения, они безусловно вносят вклад в формирование в сознании дальневосточников представления о "временности" своего пребывания в регионе и являются одним из факторов, стимулирующих массовый отток его жителей в центральные районы России.

Подводя итог, можно отметить, что за последнее десятилетие XX в. в состоянии дальневосточной границы произошли кардинальные изменения, но результатом этих изменений, вопреки идеологии вызвавших их реформ, стал не прорыв в будущее, а достаточно полное воспроизведение ситуации начала прошлого века. Попытка перехода от "линейной" пограничной политики советского периода к "общечеловеческим" принципам международной открытости, сотрудничества и интеграции в конкретных условиях РДВ в значительной мере завершилась формированием традиционной для региона границы "широкого" типа. При этом,

если в начале XX в., в силу по крайней мере более высокого (в сравнении с Цинским Китаем) уровня индустриального развития России, "широкая граница" на Дальнем Востоке была еще способна обеспечить определенную сбалансированность обоюдных выгод сторон, то на рубеже XX – XXI вв. ее функционирование стало отвечать прежде всего интересам Китая, получившего возможность во многом беспрепятственной реализации на российской территории своего демографического, экономического и политико-управленческого превосходства.

Целью настоящего исследования было не только раскрытие того, в какой степени развитие такого региона как РДВ обуславливалось и обуславливается типологическими особенностями межгосударственной части его границ. Не менее важно, на мой взгляд, обратить внимание на постоянно проявляющуюся в истории РДВ проблему рассогласованности задач внешней и, как следствие, пограничной политики российского государства и объективных потребностей развития региональной общественной системы. Одной из главных производных этой проблемы и является столь характерная хроническая типологическая неадекватность дальневосточной границы стадияльному состоянию дальневосточного приграничья.

Литература

1. Абеленцев В.Н. Вехи истории амурского казачества в первой половине XX в. // Первая общероссийская научно-практическая конференция "Казачество как фактор исторического развития России". СПб., 1999. С. 35-37.
2. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с.
3. Безруков И.С. Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
4. Бурлаков В.А. Проект "Туманган" и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е XX в. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. 224 с.
5. Буяков А.М. Казаки и охрана государственной границы в Южно-Уссурийском крае во второй половине XIX–начале XX вв. // Государственная служба российского казачества. Сб. мат. Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток: ППККГС, 1998. с. 22-27.
6. Витковская Г., Зайончковская Ж.. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. с. 80-120.
7. Гельбрас В. Китайский фактор внешней и внутренней политики России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. с. 43-73.
8. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке // Труды ДВГУ. Сер. 3. Владивосток, 1929. № 9. Вып. 4. 115 с.
9. Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX–начало XX в.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток: ДВГМА, 1999. С. 75-83.

10. Ивасита А. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. Пер. с яп. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 336 с.
11. Ивашинников Ю.К. Страны Япономорского региона и Китай. Экономическое развитие и экологические проблемы. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2007. 172 с.
12. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 1. Владивосток: Дальневосточное книж. изд-во, 1987. 424 с.
13. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 2. Владивосток: Дальневосточное книж. изд-во, 1989. 452 с.
14. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Кн. 3. Владивосток: Дальнаука, 2004. 344 с.
15. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII–начале XX вв. (1640–1917 гг.). М.: Наука, 1985. 260 с.
16. Киреев А.А. Корейские иммигранты и казачество на российском Дальнем Востоке: факторы и динамика взаимодействия (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. с. 78-86.
17. Киреев А.А. Уссурийское казачество и "желтый вопрос" // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, сотрудничество. 2001. № 2. С. 14-22.
18. Кузин А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы. Южно-Сахалинск: Дальневост. кн. изд-во, 1993. 368 с.
19. Кутузов М.А. Уссурийские казаки: национальный состав социальной группы // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток: ДВГМА, 1999. С. 73-75.
20. Ларин А. Желтый вопрос // Родина. 1999. № 1. С. 66-71.
21. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
22. Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913.
23. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. 370 с.
24. Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909.
25. Петров А.И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке. 60–90-е годы XIX в. Владивосток: ДВО РАН, 2000. 304 с.
26. Приморский край: Краткий энцикл. справ. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. 596 с.
27. Труды Амурской экспедиции. Вып. 1. СПб., 1911. 288 с.
28. Труды Амурской экспедиции. Вып. 9. СПб., 1911.
29. Уссурийское казачье войско: история и современность / сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток: Б. и., 1999. 120 с.